

ДЕЛО О ПОХИЩЕНИИ
БЕТТИ КЕЙН

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В этот весенний день Роберт Блэр уже подумывал о том, чтобы идти домой, хотя было всего четыре часа. Контора, разумеется, работала до пяти. Но если вы единственный Блэр фирмы «Блэр, Хэйвард и Беннет», вы уходите, когда считаете нужным. И если вы занимаетесь главным образом завещаниями, документами о передаче имущества и вкладами, то ваши услуги в этот час уже мало кому требуются. И если вы живете в Милфорде, где последнюю почту разносят в три сорок пять, то всякая деловая жизнь городка замирает куда раньше четырех часов дня.

Телефон вряд ли зазвонит. Друзья Блэра по гольфу к этому времени, очевидно, находятся где-нибудь между четырнадцатой и шестнадцатой лунками. К обеду его никто не пригласит, ибо приглашения в Милфорде все еще по старинке отправлялись по почте. Не позвонит и тетя Лин с просьбой по дороге домой купить рыбы, потому что нынче ее день посещения кино и сейчас она уже, несомненно, там.

И вот этим весенним днем в ленивой тишине маленького города он сидел в конторе, уставясь на последний луч, освещавший стол красного дерева, и подумывал, не пойти ли домой. В солнечном луче стоял поднос с чаем. Ровно без десяти четыре каждый день мисс Тафф вносила в кабинет лакированный поднос, покрытый белой салфеткой, на ней чашка синего фарфора

и такая же тарелка с двумя печеньями: масляное печенье по понедельникам, средам и пятницам, диетическое — по вторникам и четвергам.

Этот поднос Роберт помнил с тех пор, как помнил себя. Кухарка ходила с ним за хлебом в булочную, но мать Роберта, тогда еще совсем молодая женщина, пожертвовала поднос в контору. Что касается белой салфетки, то она возникла годы спустя, с появлением в фирме мисс Тафф. Мисс Тафф появилась во время войны. Это была первая женщина, занявшая место за рабочим столом уважаемой фирмы. Появление мисс Тафф чуть было не потрясло основы фирмы, но фирма с этим справилась, и теперь, почти четверть века спустя, трудно было себе представить, что худощавая, седовласая, строгая мисс Тафф могла когда-то вызвать такую сенсацию... В самом деле, единственным нарушением привычной рутины было появление белой салфетки: в доме мисс Тафф ничто никогда не ставилось прямо на поднос, без салфетки. Вот однажды она и принесла салфетку. Отец Роберта, хотя ему и нравился лакированный, ничем не покрытый поднос, был тронут заботой мисс Тафф и тем, что она как бы отождествляет себя с интересами фирмы. Салфетка прижилась, и теперь она такая же неотъемлемая часть фирмы, как медная дощечка на двери, ящики с документами и ежегодная простуда мистера Хэзелтайна.

И вот в ту минуту, когда взгляд Роберта покоился на синей тарелке, он испытал странное чувство. Это чувство не имело связи с диетическим печеньем, во всяком случае связи физической. Это чувство было связано с ощущением неизбежности: по четвергам печенье диетическое, а по понедельникам — масляное. До последнего времени Роберт не находил ничего дурного в этом постоянстве, в этой нерушимости.

В ДЖОЗЕФИНА ТЭЙ

Никогда он не желал себе другой жизни, кроме спокойного, мирного существования в этом городке, где вырос. Да и сейчас он не желал ничего другого! Но вот в последнее время уже дважды или трижды его посетила странная, ничем вроде бы не вызванная мысль: «И это все, что ты увидишь в жизни». С этой мыслью появлялось неприятное ощущение в груди, похожее на тот почти панический страх, сжимавший его десятилетнее мальчишеское сердце, когда он вспоминал, что назначен на прием к зубному врачу. Это и раздражало, и изумляло Роберта, считавшего себя вполне счастливым человеком. Откуда берется странная, сжимающая сердце мысль? Чего ему не хватает? Жены? Но он бы мог жениться, если бы захотел. Заботливой матери? Но какая мать могла бы так о нем заботиться, как милая, добрая тетя Лин? Богатства? Но разве было хоть что-нибудь, чего он хотел бы купить и не мог? Если это не богатство, то что ж тогда богатство? Жизнь, полная приключений? Никогда он не жаждал приключений, кроме тех, какие даются охотой... Но что же тогда? Что ему нужно?

Роберт Блэр всегда надеялся, что жизнь его так и будет идти без перемен до самой смерти. С детства он знал, что будет работать в фирме и со временем сменит своего отца. С добродушной жалостью он глядел на мальчиков, у которых нет такого же заранее заготовленного удела, на тех, у кого нет Милфорда, где ждут друзья, где все полно воспоминаниями, на тех, у кого нет этой английской преемственности, уготованной фирмой «Блэр, Хэйвард и Беннет».

Уже с 1843 года в фирме нет Хэйварда, но юный отпрыск рода Беннетов — Невил в этот момент занимал заднюю комнату фирмы. Именно «занимал», но трудно было вообразить, чтобы он там работал: он писал там поэмы, ибо ничто иное его не интересовало.

Поэмы были столь оригинальны, что понять их могли лишь сам Невил.

Солнечный луч касался уже самого краешка подноса, и Роберт окончательно решил идти домой. Он пройдет пешком. Прогулка по Хай-стрит всегда доставляла ему удовольствие. Не то чтобы Милфорд был уж таким красивым городом. Но в этом городке было нечто, отражавшее устойчивость английской жизни за последние триста лет...

Внезапно зазвонил телефон. Позже Роберт часто думал: а что бы случилось, если бы этот звонок раздался минутой позже? Минутой позже он уже взял бы свою шляпу с крючка в передней и, просунувшись в дверь комнаты напротив, сообщил бы мистеру Хэзелтайну, что уходит. И на этот звонок ответил бы Хэзелтайн, сказав, что мистер Блэр уже ушел. И все последующее представляло бы для Роберта лишь отдаленный интерес... Но телефон зазвонил вовремя, и Роберт взял трубку.

— Мистер Блэр? — спросил женский низковатый голос. Чувствовалось, что в обычное время он звучит уверенно, но сейчас говорившая задыхалась. — Ох, как я рада, что застала вас! Я боялась, что вы уже ушли. Моя фамилия Шарп, Марион Шарп. Мы с матерью живем в доме Фрэнчайз на Ларборо-роуд.

— Знаю, — сказал Блэр.

Он знал Марион Шарп по виду, как знал всех в Милфорде и его окрестностях: высокая, худощавая, темноволосая женщина лет сорока или около того. Обычно она щеголяла в ярких косынках, подчеркивающих ее цыганскую смуглость. В своем старом, вышедшем из моды автомобиле она приезжала в Милфорд за покупками, а тем временем ее седовласая старая мать сидела в машине, сидела выпрямившись, как-то не вписываясь в городской пейзаж, и чудилось, будто

она против чего-то молчаливо протестует. У нее был резко очерченный профиль, а когда она поворачивалась к вам лицом, было видно, что глаза у нее ясные, бледные, холодные — глаза чайки, и похожа она на колдунью. Словом, малоприятная старая дама.

— Вы меня не знаете, — продолжал голос, — но я видела вас в Милфорде, и вы показались мне добрым человеком. Мне нужен адвокат! Сейчас нужен, сию минуту! У меня неприятности...

— Если речь идет о вашем автомобиле... — начал Роберт.

«Неприятности» в Милфорде означали лишь две вещи: либо задержка очередного взноса за автомобиль, либо нарушение правил уличного движения. Поскольку у Марион Шарп автомобиль был очень старый, речь шла, видимо, о втором. Но в любом случае это никак не касалось фирмы «Блэр, Хэйвард и Беннет». Он переадресует ее к Карлею, способному малому, чья контора на другом конце улицы. Карлей специалист по этим делам...

— Автомобиль? — спросила его собеседница таким тоном, будто ей было трудно вспомнить, что означает это слово. — А, поняла. Нет, нет, ничего похожего. Дело куда серьезнее. Скотленд-Ярд.

Скотленд-Ярд! Для мирного деревенского адвоката и джентльмена, каким был Роберт Блэр, слова «Скотленд-Ярд» звучали так же экзотически, как, скажем, «Гонолулу», «Голливуд» или «парашютные прыжки». В качестве сознательного гражданина он был в хороших отношениях с местной полицией, и на этом его связь с миром преступлений кончалась.

— Я никого не убила, если вы это думаете, — сказали на конце провода.

— Вопрос в другом: вас подозревают в том, что вы кого-то убили?

— Здесь дело не в убийстве. Меня подозревают в том, что я кого-то похитила. Короче, мне нужен адвокат сейчас же, сию минуту!

— По-моему, вам нужен не я, — ответил Роберт. — Я практически не разбираюсь в Уголовном кодексе. Моя фирма такими делами не занимается. Я могу вам порекомендовать...

— Я не хочу адвоката по уголовным делам, я хочу друга! Чтобы он стоял рядом и следил, чтобы я не наговорила лишнего. Чтобы он подсказывал мне, на какие вопросы я могу не отвечать, если не желаю, и в этом роде... Для этого, по-моему, не обязательно быть специалистом по уголовным делам.

— Верно. И все же вам куда лучше поможет фирма, привыкшая к уголовным делам. Я думаю, будет разумнее...

— Знаете, что мне кажется? — перебила она. — У меня ощущение, будто я тону, не могу вылезти на берег, а вы, вместо того чтобы подать мне руку, убеждаете меня, что на противоположный берег вылезти куда проще...

Мгновение оба молчали.

— Напротив, — сказал Роберт, — я могу порекомендовать вам отличного специалиста по вытаскиванию тонущих на берег! Бенджамен Карлей куда лучше моего знает, как защитить тех...

— Что? Этот маленький человечек в полосатых костюмах?.. — Ее голос поднялся почти до крика. И снова секунда молчания. — Простите меня, — продолжала она затем своим обычным голосом. — Я говорю глупости. Но видите ли, я позвонила вам не потому, что считаю, что вы такой уж ловкий адвокат, но лишь потому, что я в беде и нуждаюсь в совете человека, который вызывает доверие... Мистер Блэр, прошу вас, приезжайте! Люди из Скотленд-Ярда сейчас

у меня в доме. И если вы, приехав, увидите на месте, что не желаете этим заниматься, вы же всегда сможете передать дело кому-то другому, правда?

Роберт Блэр был слишком добродушен, чтобы отказать человеку в разумной просьбе, и, кроме того, ему дали лазейку на случай, если дело покажется неприемлемым. Ему уже расхотелось переадресовывать эту женщину к Бену Карлею. Несмотря на ее глупые слова о «полосатых костюмах», Роберт, в общем-то, понял, что она имела в виду. Если вы действительно что-то натворили и хотите избежать ответственности, то Карлей тут неоценим. Но если вы просто растеряны, если вы в беде и невиновны, то вряд ли Карлей, с его нагловатыми манерами, мог оказать помощь.

«О каком похищении идет речь? — думал Блэр, направляясь за своим автомобилем в гараж на Синлейн. — Существует ли такое преступление в английском своде законов? И кого могла эта женщина похитить? Ребенка? Быть может, вундеркинда? Хотя обе женщины жили в большом доме на Ларборо-роуд, они производили впечатление людей очень и очень небогатых. А может, они похитили ребенка, потому что решили, что с ним плохо обращаются его законные опекуны? Возможно. У старухи лицо фанатички, да и сама Марион производила впечатление человека, способного при случае пойти на риск. Да, возможно, это просто дурно понятая филантропия». «Задержание с целью лишить родителей, опекунов и т. д. власти над...» Эх, подзабыл он уголовное право! Не мог вспомнить сейчас: похищение — это уголовное дело с соответствующим наказанием или же проступок? Делами о «похищении и задержании» фирма «Блэр, Хэйвард и Беннет» не занималась с 1798 года, когда один молодой сквайр из Лессоуса, выпив

несколько больше, чем следует, на балу у неких Греттонов, перекинул через седло юную мисс Греттон и ускакал с нею, причем о намерениях сквайра не так уж трудно было догадаться...

На узенькой улочке Син-лейн прямо друг против друга стояли гараж и платная конюшня города Милфорда, пребывающие в состоянии вечной вражды. Автомобили пугали лошадей (так, во всяком случае, утверждали служители при конюшне), а возы с сеном и прочим фуражом для конюшни мешали выезду из переулка — это утверждали работники гаража. Владелец конюшни старый Мэт Эллис, бывший кавалерист, смотрел на работников гаража Билла Бору и Стэнли Питерса (во время войны оба были связистами) как на представителей поколения, уничтожавшего кавалерию и угрожавшего цивилизации...

Зимой, во время охотничьего сезона, Роберт общался с кавалеристом и выслушивал его жалобы, в другое время года, когда автомобиль чинился и смазывался в гараже, он вникал в обиды работников гаража. Вот и сейчас Стэнли непременно понадобилось выяснить, какова разница между оскорблением и клеветой и можно ли считать диффамацией слова Мэта...

— Не знаю, Стэн. Надо подумать, — перебил Роберт, быстро нажимая на стартер.

Но сразу уехать ему не удалось. Пришлось ждать, пока выезд из переулка не освободят верховые: трое толстых детей и их грум, возвращавшиеся с послеобеденной прогулки. «Ну вот, сами видите!» — сказал Стэнли за спиной Роберта.

Чем ближе к южному окончанию Хай-стрит, тем меньше становилось магазинов и лавок, тем больше жилых домов, затем шли виллы, окруженные садами, а потом сразу поля. Поля, отгороженные друг от друга живыми изгородями, тянулись бесконечно, домов

почти не видно, можно ехать милю за милей, не встретив ни единого живого существа.

Там дальше, за горизонтом, находился Ларборо — городок, застроенный домами из грязного кирпича. В двух милях отсюда на Ларборо-роуд стоял дом, известный как Фрэнчайз. Когда-то давно некто приобрел поле, называемое Фрэнчайз, построил посредине плоский белый дом и затем окружил высокой, крепкой кирпичной стеной, как бы наглухо отгородив этот дом от мира. Когда-то при доме была конюшня, но она тоже была спрятана за кирпичной стеной. Дом походил на детскую игрушку, случайно оброненную на пустынной дороге. С тех пор как Роберт себя помнил, тут жил одинокий старик, а сравнительно недавно в Милфорд стала наезжать за покупками Марион Шарп с матерью, и вскоре стало известно, что они поселились в доме Фрэнчайз, унаследовав его после кончины старика. «Как давно они переселились сюда? — старался вспомнить Роберт. — Три года назад? Четыре?»

Эти женщины не пытались завести знакомства среди обитателей Милфорда, держались особняком; у обеих был такой вид, будто им вполне хватает общества друг друга.

Когда Роберт остановил свой автомобиль у высоких железных ворот, он увидел, что там стоят еще две машины. Достаточно было взглянуть на ближайшую — такую незаметную, ухоженную, скромную, чтобы понять, чья она. «В какой другой стране мира, — подумал Роберт, — полиция старается быть такой вежливой и предупредительно-ненавязчивой?»

Он поглядел на вторую машину и увидел, что она принадлежит Хэллему — местному инспектору, классному игроку в гольф.

В полицейском автомобиле сидели трое: шофер, а на заднем сиденье — женщина средних лет и то ли

ребенок, то ли юная девушка. Шофер скользнул по Роберту мягким, отсутствующим и все замечающим полицейским взглядом, а затем отвернулся. Лиц у сидящих сзади Роберту рассмотреть не удалось.

Высокие железные ворота были закрыты — Роберт не помнил, чтобы они когда-нибудь вообще бывали открыты, — и он толкнул одну из железных половинок, не скрывая любопытства. Ворота с их плоскими железными листами были сделаны явно все с той же целью — укрыться от посторонних взглядов. Стена была слишком высока, чтобы можно было что-то разглядеть с улицы, и, кроме крыши и труб, заметных издали, Роберт Блэр никогда не видел дома Фрэнчайз.

Его ждало разочарование: дом оказался уродлив. Все там было немножко не так, как хотелось бы: окна неправильного размера, слишком широкая дверь, слишком высокие ступени, и в целом у дома было хмурое выражение. Пока Роберт шагал через двор к негостеприимной двери, он догадался, что ему напомнил этот дом: собаку, внезапно разбуженную шагами прохожего и еще не знающую, что делать — накинуться на него или попросту залаять. «Что вам тут надо?» — вот с каким выражением глядел на чужака этот дом.

Он не успел позвонить, как на пороге появилась не горничная, а сама Марион Шарп.

— Я увидела вас в окно, — сказала она, протягивая ему руку, — и боялась, что вы позвоните: мама обычно отдыхает в это время. Я надеюсь, что нам удастся поговорить до ее пробуждения. Хоть бы она никогда ничего об этом не узнала! Не могу выразить, как я вам благодарна за ваш приезд!

Роберт пробормотал что-то в ответ и тут только заметил, что глаза у нее вовсе не цыганские, черные, как он думал, а серо-карие. Она ввела его в дом, и он,

кладя свою шляпу на комод в передней, обратил внимание на старый, потертый ковер.

Инспектор Хэллам пристроился на краешке вышитого бисером сиденья стула и выглядел смущенно. А у окна, чувствуя себя весьма и весьма свободно, восседал на старинном стуле Скотленд-Ярд в лице молодого человека в прекрасно сшитом костюме.

Оба встали, и Роберт поздоровался с Хэлламом.

— Значит, вы знакомы? — спросила Марион Шарп. — Ну а это инспектор Грант из Скотленд-Ярда.

Пожимая Роберту руку, Грант сказал:

— Рад, что вы приехали, мистер Блэр, не только за мисс Шарп, но и за себя.

— За себя?

— Если бы мисс Шарп не имела поддержки, пусть даже просто дружеской, мне было бы трудно продолжать. Но вы адвокат, и тем лучше!

— В чем вы ее обвиняете?

— Мы ни в чем ее не обвиняем... — начал было Грант, но Марион его перебила:

— Предполагается, что я кого-то похитила и избивала.

— Избивала?

— Именно. Избивала ее в кровь, до синяков.

— Ее?

— Девочку. Она сейчас там, за воротами, в машине.

— Разрешите, я объясню, — мягко предложил Грант.

— Хорошо, — согласилась мисс Шарп, — объясняйте. Это ведь ваша версия!

«Интересно знать, — подумал Роберт, — уловил ли Грант насмешку в ее тоне?» Роберта несколько удивило присутствие духа мисс Шарп, позволившей себе насмешливо разговаривать с представителем Скотленд-Ярда. А по телефону она не казалась такой

выдержанной и смелой. Тогда в голосе ее звучало отчаяние. Быть может, присутствие союзника подбодрило ее, а быть может, у нее попросту открылось второе дыхание.

— Как раз перед Пасхой, — заговорил Грант в сжатой и точной полицейской манере, — девочка по имени Элизабет Кейн, живущая со своими опекунами около Эйлсбери, поехала на каникулы к своей замужней тете в Мэйншил, в окрестности Ларборо. Она отправилась туда автобусом, потому что автобусы из Лондона в Ларборо, проходящие через Эйлсбери, также проходят через Мэйншил. Таким образом, она могла сойти с автобуса в Мэйншиле, откуда всего три минуты ходьбы до дома ее тети. Если бы она ехала поездом, ей пришлось бы выйти в Ларборо и затем ехать в обратном направлении. В конце недели ее опекуны мистер и миссис Уинн получили от нее открытку, в которой говорилось, что ей живется у тети весело и она собирается побыть тут еще. Опекуны поняли, что девочка решила остаться в Мэйншиле до конца школьных каникул, то есть еще на три недели. Но когда она не явилась домой к началу школьных занятий, опекуны решили, что она просто разленилась, и написали тете, чтобы та отправила девочку домой. Но тетя, вместо того чтобы позвонить по телефону из ближайшего почтового отделения, сообщила Уиннам в письме, что племянница уехала от нее уже две недели назад. Обмен письмами занял большую половину следующей недели, и когда опекуны обратились в полицию, то в общей сложности девочка отсутствовала уже три недели. Полиция приняла меры к розыску, но тут девочка явилась сама. Однажды ночью она пришла домой в платье на голое тело, без чулок, в одних башмаках, еле волоча ноги от усталости.

— Сколько ей лет?

— Пятнадцать, вернее, почти шестнадцать. Она сказала, что ее похитили, увезли в автомобиле. И это все, что опекуны смогли от нее добиться за два дня. Она была в полубессознательном состоянии. Примерно через двое суток она пришла в себя и тогда рассказала им...

— Им?

— Ну да, своим опекунам, Уиннам. Полиция намеревалась расспросить ее саму, но девочка так нервничала при упоминании о полиции, что пришлось от непосредственного контакта отказаться и довольствоваться тем, что она рассказала домашним. По ее словам, когда она ждала на перекрестке в Мэйншиле, рядом остановился автомобиль, в нем сидели две женщины. Та, что помоложе, была за рулем и предложила девочке довезти ее.

— Девочка была одна?

— Да.

— Почему же никто ее не провожал?

— Дядя работал, а тетку какие-то друзья попросили быть крестной матерью их младенца, и она в тот день отправилась на крестины... Девочка сказала, что ждет лондонский автобус, но женщины сообщили ей, что автобус уже ушел, и она им поверила. Она и сама боялась, что опоздала к автобусу, а было уже четыре часа, шел дождь, начинало темнеть. Женщины предложили довезти ее до местечка, название которого она не разобрала, откуда через полчаса пойдет автобус к Лондону. Девочка с благодарностью приняла это предложение и села рядом со старой женщиной... Дождь заливал стекла. Впрочем, девочка не обращала внимания на дорогу и рассказывала своей соседке о себе. Когда наконец она огляделась, уже совсем стемнело, и казалось, что они едут уже очень долго.

Тут она стала благодарить дам за их доброту, что они ради нее отклонились от своего пути, но женщина помоложе, которая до сих пор молчала, заявила, что нет, вовсе они не отклонились, они едут к своему дому, и предложила девочке зайти выпить кофе и перекусить, а затем ее отвезут к автобусу... Зачем, мол, двадцать минут под дождем ждать автобуса, когда за это время можно обогреться и поесть? Девочка согласилась. Они въехали в ворота, но было слишком темно, чтобы разглядеть дом. Девочку ввели на кухню...

— На кухню? — переспросил Роберт.

— Да. Старая женщина поставила на плиту кофейник — разогреть кофе, а другая стала делать бутерброды. Пока они пили и ели, старая дама сообщила, что у них сейчас нет горничной и, быть может, девочка согласится поработать у них хоть немного. Та наотрез отказалась. Женщины настаивали... Сказали, пусть хоть поднимется наверх, посмотрит, в какой славной комнатке ей предстоит жить, если она здесь останется... Девочка говорит, что в ту минуту она была такой усталой и растерянной, что подчинилась. Она помнит, что первый марш лестницы был застлан ковровой дорожкой, на втором же дорожки не было, а было под ногами «что-то твердое». И это все, что она запомнила, пока не проснулась следующим утром на узкой и низкой кровати в чердачной голой комнате. На девочке осталась лишь комбинация, и никаких следов ее одежды. Дверь заперта, маленькое круглое окно — тоже. Во всяком случае...

— Круглое окно, — повторил Роберт с чувством какой-то неловкости.

— Да, круглое, — подтвердила Марион. — Круглое окно в крыше.

...Когда Роберт подходил к дому, у него мелькнула мысль: «До чего ж неудачно всажено в крышу это